

Глава 7. Эти подонки забрали его Ци Цзю

Под неусыпным надзором Е Байлана Ци Цзю пришлось наклеить пластырь на ладонь и облачиться в теплое белье.

Стянув брюки наполовину, он почувствовал неладное и, вскинув голову, столкнулся с пристальным взглядом черных, точно безлунная ночь, глаз.

— ... — Ци Цзю резко прижал ладонь к поясу. — Отвернись.

Е Байлан, лениво вертя в руках трость, склонил голову набок. Он едва приподнял веки, и в его облике снова проступила та самая мрачная, гнетущая тень.

Ци Цзю было не до его меланхолии. Удерживая сползающие брюки, он в два прыжка преодолел разделявшее их расстояние и, бесцеремонно ухватив «волчонка» за голову, развернул его в противоположную сторону:

— Ну-ка, соблюдай приличия.

Е Байлан от этого внезапного маневра покачнулся, но устоял, опершись рукой о стену.

— С чего бы это? — прохрипел он. — Почему мне нельзя смотреть?

В конце концов, формально Вэнь Чжань и он состояли в отношениях целых четыре года.

Байлан не подпускал Вэнь Чжаня к себе лишь потому, что презирал этого пустоголового прожигателя жизни. Ему повезло: сам Вэнь Чжань тоже не питал к нему интереса. Тот, хоть и претендовал на роль «актива», не обладал извращенными наклонностями и предпочитал мягких, покладистых юношей, совершенно не желая возиться с калекой.

Е Байлан крепче сжал трость. Он стоял, прислонившись к стене, и в глубине его глаз зажегся странный огонек, пока он неосознанно разгрызал остатки приторно-сладкой помадки.

...Значит ли это, что и Ци Цзю он не интересен? Потому что Ци Цзю тоже не любит калек? Он пытается провести между ними черту?

— О чем ты опять задумался? — Ци Цзю управлялся с одеждой сноровисто. Вскинув голову, он заметил, что юноша снова пребывает в дурном расположении духа. — Что опять не так?

Е Байлан, точно испорченный граммофон, повторил всё тем же безжизненным тоном:

— С чего бы это?

Ци Цзю не сразу сообразил, к чему относится вопрос, но спустя мгновение до него дошло: «волчонок» вопрошал, с какой стати ему запрещено лицезреть процесс смены белья.

«Неужели это очередное странное хобби нового главы семьи Е — этого "склонного к паранойе" и "бессердечного" тирана?»

Ци Цзю уважал чужие странности, но обсуждать их сейчас не входило в его планы:

— На что там смотреть? Модель та же самая, я такой же, как и ты.

Разве что размер немного отличался — Ци Цзю заказывал белье той же марки, что носил сам.

Приведя себя в порядок в считанные мгновения, он развернул Е Байлана к себе и принялся поправлять его праздничный костюм. Сегодня на Байлане была классическая черная пара — строгая, без единого лишнего украшения, что лишь подчеркивало его холодную обособленность. В атмосфере изысканного, благоухающего парфюмом вечера он выглядел чужаком, но для статуса нового главы семьи Е этот образ подходил идеально.

Ци Цзю на мгновение замер, изучая результат. Решив, что нагрудному карману не хватает акцента, он выудил льняной платок и, аккуратно сложив его, вставил на место.

Е Байлан молча наблюдал за его манипуляциями. В его сознании, точно круги на воде, расходились слова Ци Цзю.

«Модель та же самая... Он такой же, как и я».

Эти слова отозвались в душе странным теплом. Оказывается, этот лжец иногда умеет говорить правильные вещи.

Разжевывая остатки конфеты, Байлан незаметно прищурился. Он решил: когда они вернутся, он позволит Ци Цзю выходить на прогулку раз в месяц.

Нет, пожалуй, дважды.

И нужно будет купить этому обманщику приличную одежду. Чтобы всякое отребье не смело останавливать его и насмехаться, позоря имя Е Байлана.

Закончив с платком, Ци Цзю поднял голову, собираясь сказать что-нибудь ободряющее, и обнаружил, что «волчонок» каким-то чудом успокоился сам собой.

Удивительно, как долго он умудрялся смаковать одну-единственную конфету — до сих пор лениво жевал, и его щека то и дело забавно топорщилась. Сходство с тем самым белым волчонком, выросшим на мясном бульоне в ментальном ландшафте Ци Цзю, было стопроцентным.

Ци Цзю едва удержался, чтобы не ткнуть его в щеку, и вовремя отдернул руку:

— Опять витаешь в облаках?

Е Байлан не удостоил его ответом. Дважды стукнув тростью по полу, он вздернул подбородок, давая понять, что пора выходить.

— Каковы будут распоряжения главы семьи? — осведомился Ци Цзю. — Трость или я?

Е Байлан: «...»

Юноша вскинул взгляд и обнаружил, что Ци Цзю спрашивает совершенно серьезно. И хотя фраза звучала двусмысленно до нелепости, Ци Цзю без тени лукавства ждал ответа: предпочтет ли господин опираться на трость или на его руку.

— Ты неудобный, — вредным тоном отозвался Байлан, нарочито оглядывая его с ног до головы.
— Весь костлявый, никакой опоры.

Ци Цзю, преисполненный праведного спокойствия, лишь хмыкнул:

— Ну, это легко исправить.

Он перехватил трость Е Байлана, подхватил самого юношу, прикидывая вес, и, найдя точку опоры, слегка подставил плечо:

— Давай.

Оказавшись в тени Ци Цзю, Е Байлан поднял глаза. Глаза его спутника были янтарными — они напоминали мед или застывшее солнце, погребенное под толщей лавы миллионы лет назад.

Байлан повиновался какому-то странному порыву. Он вовсе не хотел отдавать трость — внутри нее был скрыт трехгранный стилет, способный пробить человека насквозь. Всё в его облачении было оружием: даже галстук из высокопрочного углеволокна мог в два счета перетянуть чье-то

горло.

Он вырос в мире, полном грязи и предательства. Никто не учил его защищаться иначе — он знал лишь самые примитивные и жестокие способы достижения целей.

Ци Цзю был опасным лжецом. Он искушал его, заставляя сложить оружие, но без этих инструментов любой в этом зале мог лишить Е Байлана жизни.

Байлан проглотил последнюю порцию приторного сиропа. Он и впрямь терпеть не мог сладости.

— Трость, — хрипло произнес он, медленно выговаривая слова. — Сохрани её.

Ци Цзю улыбнулся:

— Не потеряю.

Он подстроился под шаг юноши. Е Байлан оперся на его руку — высота оказалась идеальной, и это требовало даже меньше усилий, чем обычно.

Сложив трость, Ци Цзю убрал её в кофр. Подставив локоть главе семьи Е, он вместе с ним покинул комнату отдыха и вошел в залитый огнями банкетный зал.

На приеме, где присутствовал Е Байлан, атмосфера была далека от праздничной.

Никто не пришел сюда ради еды или вина; единственной целью этого сборища было прощупать почву под ногами нового главы семьи Е. В городе Н семья Е была колоссом, и то, куда Байлан направит эту мощь, определяло судьбу десятков мелких кланов.

Это был огромный корабль, с которого невозможно было сойти, и никто не чувствовал себя в безопасности, зная, что у руля стоит неуправляемый безумец.

Впрочем, Е Байлан вел себя на удивление сдержанно.

Вернее сказать, каждый раз, когда Байлан был готов взорваться, человек, на чью руку он опирался, внезапно «поперхивался» вином. После чего этот субъект с неизменной улыбкой на лице вежливо извинялся, мягко, но настойчиво вклинивался в беседу и мастерски уводил тему разговора за тридевять земель.

К удивлению присутствующих, Е Байлан не гневался. После нескольких таких вмешательств он и вовсе замолчал, сосредоточившись на закусках, которыми его периодически снабжал спутник.

Спустя несколько раундов пустых разговоров никто так и не смог вывести ничего стоящего. Группа глав мелких семейств, потерпев фиаско, сгрудилась в углу. Опасливо оглядываясь, они зашептались, поглядывая в сторону Байлана.

— ...Говорят, его зовут Вэнь Чжань, у него с этим Е уже давно что-то было...

— Не факт, что имя настоящее. Не слышали? Е Байлан называл его Ци Цзю.

— Имя не важно. Кто он такой? Скользкий, как угорь, ничего из него не вытянешь... Зато он из нас половину секретов выудил.

— Такое соседство рядом с Е Байланом нам только мешает.

— И что делать? Мы ведь уже всё подготовили...

Ци Цзю коснулся микронаушника, временно отключая трансляцию прослушки, и проследил за взглядом Е Байлана:

— Хочешь вот это?

«Волчонок» молча уставился на сочный бургер с говядиной.

Ци Цзю невольно улыбнулся и, мимоходом взъерошив волосы на затылке юноши, отправился за блюдом. Он нарезал бургер на аккуратные мелкие кусочки. В такой обстановке он чувствовал себя как рыба в воде: столовые приборы в его длинных пальцах двигались изящно и почти бесшумно, едва касаясь фарфора.

Ци Цзю специально действовал так, чтобы Байлан мог видеть каждое его движение. Закончив, он вонзил в порцию зубочистку с крошечным флажком и пододвинул тарелку к юноше.

Е Байлан, созерцая этот «детский обед» ручной работы: «...»

— Ешь, — подбодрил его Ци Цзю. — Не бойся, я не подсыпал туда яд.

Е Байлан подцепил кусочек и принялся жевать с таким ожесточением, что Ци Цзю невольно

заподозрил: в своем воображении юноша сейчас терзает вовсе не бургер, а его самого.

Впрочем, Ци Цзю это не заботило. Он вошел во вкус, исполняя роль заботливого опекуна. Наполнив бокал льдом, он добавил туда клубнику, сок лайма, плеснул рома и сладкой газировки, украсив всё веточкой мяты.

— Выпьешь?

Е Байлан подозрительно покосился на бокал:

— Что это?

— Клубничный мохито, — с самым серьезным видом ответил Ци Цзю, едва сдерживая смех. — Смешал из того, что нашел... Попробуй. Если не понравится — выльешь.

Он приготовил два напитка сочного малинового цвета. Байлан взял бокал, долго изучал его и, наконец, осторожно лизнул розовую пену.

Оказалось, недурно. Ци Цзю знал меру: алкоголь почти не чувствовался, доминировал свежий фруктовый аромат.

— Как у тебя с алкоголем? — Ци Цзю присел рядом и отхлебнул из своего бокала. — Голова не кружится? Не развезет?

Е Байлан продолжал цедить напиток мелкими глотками. Он бросил на собеседника быстрый взгляд и снова опустил глаза, не желая тратить силы на слова.

Для него не существовало понятия «не развезет». В прошлом, когда его швыряли на землю и, задирая голову за волосы, вливали в глотку дешевое пойло до самой рвоты, никто не спрашивал его о самочувствии.

Байлан научился пить, не пьянея; он просто ненавидел вкус спиртного. Но в его памяти не было ничего, что напоминало бы этот «мо-как-его-там» напиток.

— Ты... — медленно произнес Байлан, — умеешь заговаривать зубы.

Ци Цзю виртуозно управлялся с этими мерзкими типами. Сам Байлан на его месте просто проигнорировал бы приличия, испортил бы всем настроение и с полным безразличием выслушал бы очередные проклятия в адрес «безумного калеки» или «высочки». Байлану было плевать. Если из-за этого семья Е несла убытки, он просто шел и отбирал то, что ему нужно, силой.

Ци Цзю, чей «золотой палец» как раз и заключался в подобных навыках, оставил бокал и перешел к наставлениям:

— Знаешь, что внушает им самый искренний, леденящий душу ужас?

— Что? — спросил Байлан.

Ци Цзю негромко постучал пальцами по столешнице, кивнув в сторону угла зала:

— Когда их загоняют в тупик на их же собственной территории, играя по их правилам.

Индивидуальный подход. Ци Цзю понимал, что лекции о смирении и долготерпении Байлан слушать не станет, но стоит заговорить о правилах войны — и «волчонок» тут же наостряет уши.

— Тот, кто грабит слабого, рано или поздно столкнется с сильным. Закон джунглей, — Ци Цзю вытянул платок из нагрудного кармана Байлана. — Откуда тебе знать, что ты не привлечешь внимание кого-то, кто сильнее тебя?

Байлан нахмурился, глядя на руку Ци Цзю, которая с каждым разом становилась всё бесцеремоннее:

— И что с того?

Ци Цзю развернул платок и принялся вытирать ладонь юноши, в которую могла попасть влага от бокала:

— Хочешь, чтобы тебя сожрали?

Байлан позволил ему удерживать свою руку. Ци Цзю тщательно протирает каждый его палец, и юноша, прищурившись, решил на этот раз простить наглецу его дерзость:

— Мне всё равно.

Ему и впрямь было плевать. Если суждено быть съеденным — пусть так. Но пока он жив, он будет рвать, хватать и карабкаться на самую вершину.

Ци Цзю коснулся его колена под столом:

— Так вот как ты решил мне отомстить?

Байлан вскинул голову, его брови сошлись на переносице:

— О чем ты?

— Повсюду таскаешь меня за собой, давая всем понять, что я твой человек, — Ци Цзю загнул указательный палец. — Привлекаешь врагов и ждешь, когда тебя сожрут. — Он загнул средний палец. — И тогда враг, чтобы добраться до тебя, первым делом ударит по мне.

— Бах! И пуля в грудь, — Ци Цзю изобразил выстрел. — Сначала прикончат меня.

Он загнул мизинец:

— И даже если я чудом останусь жив, когда они примутся за тебя, меня подадут к столу в качестве гарнира.

Е Байлан: «...»

Ему еще никогда не доводилось сталкиваться с подобной софистикой. Он не понимал, при чем тут вообще гарнир, и не знал, с чего начать возражения. От гнева у него даже разболелась голова:

— ...Это ты сам выбрал — идти со мной или с тростью!

У этого лжеца вообще есть хоть капля стыда?!

Ци Цзю едва не расхохотался. Глубоко вдохнув, он сдержал порыв и просто кивнул: «Понятно».

Е Байлан стиснул челюсти, его дыхание стало прерывистым. Он никогда не хотел, чтобы кто-то причинил вред Ци Цзю. Только он имел право распоряжаться его жизнью... Ци Цзю принадлежал ему.

Никто не смел тронуть и волоска на его голове. Этот человек должен был следовать за ним в целостности и сохранности до того самого дня, когда Байлану надоест жить — тогда он заберет лжеца с собой в преисподнюю.

Байлан мертвой хваткой вцепился в запястье Ци Цзю. Его пальцы, костлявые и бледные, до белизны вдавлились в плоть.

Юноша поднял взгляд, его черные глаза впились в лицо собеседника:

— Ты...

Он успел произнести лишь одно слово, когда его внезапно прервали.

Ци Цзю навалился на него всем телом. Байлан, совершенно не ожидавший подобного, ударился больной ногой о край стула. Острая, пронзительная боль мгновенно прошла позвоночник, вызывая мучительную судорогу.

В глазах Байлана вспыхнула ярость:

— Ци Цзю! Ты —

Ци Цзю, прикрывая его, прижал ладонь к его губам и прошептал:

— Молчи.

Стоило ему договорить, как в банкетном зале, словно с задержкой, взорвался хаос.

Раздались оглушительные автоматные очереди. Звон в ушах смешался с истошными криками. Роскошные люстры внезапно погасли, осыпая всё вокруг градом хрустальных осколков.

Ци Цзю прикрывал Е Байлана своим телом, не давая ему издать ни звука. Он слегка тряхнул головой и постучал по уху.

— Это инсценировка. Заговор, — Система только что получила доступ к секретной информации. — Запланированное похищение, цель — Е Байлан. Налетчики планируют увезти его за город и там ликвидировать.

Подобные детали сюжета возникали спонтанно, предсказать их заранее было невозможно. Но Ци Цзю, едва войдя в зал, под видом светских бесед раздал множество своих визиток, которые, по сути, были теми же системными передатчиками. Система, прослушивая всё вокруг, уже восстановила полную картину их плана.

Ци Цзю, чье прозвище «Вороний рот» снова оправдалось в полной мере: «...»

Е Байлан лежал под ним, его дыхание было сбивчивым, а изувеченная нога мелко подрагивала от судороги.

Ци Цзю слегка сменил позу и осторожно коснулся его ноги, разминая сведенные мышцы:

— Сильно ударился?

Лицо Байлана было мертвенно-бледным, но это была лишь реакция на невыносимую боль;

страха в его глазах не было. «Волчонок» до крови закусил губу, борясь с судорогой, и не отрывал взгляда от Ци Цзю.

— Я в порядке, — Ци Цзю, к своему удивлению, понял, о чем тот хотел спросить. Он сложил платок в несколько слоев. — Просто трянуло немного, голова цела.

Зрение начало подводить его в полумраке — опухоль, пустившая корни в мозгу этого тела, давала о себе знать. Ему пришлось несколько раз нащупать губы Е Байлана, прежде чем он нашел их.

Байлан внезапно спросил:

— Ты не видишь?

— Совсем немного, — пальцы Ци Цзю ощутили теплое дыхание юноши. Найдя его рот, он заставил Байлана зажать платок зубами. — Здесь всё еще светло, правда?

Байлан промолчал.

Лампа над ними уцелела, и для Байлана свет был ослепительно ярким, точно в полдень.

— Плохо дело, — Ци Цзю снова трянул головой, но пелена перед глазами не исчезла. — В таком состоянии я не смогу вывести тебя отсюда с боем.

Будь Ци Цзю в своем собственном теле, прорваться сквозь засаду с Байланом на руках не составило бы труда. Но тело Вэнь Чжэня было истощено излишествами и пороками, а опухоль уже начала всерьез поражать зрительные нервы.

Ци Цзю мгновенно принял решение по второму сценарию:

— Потерпи. Лежи и не шевелись.

Его движения были мягкими, но уверенными. Он принялся массировать сводимый судорогой позвоночник Байлана, а затем кончиками пальцев стер кровь, выступившую в уголке его рта.

Байлан вцепился в его рукав:

— Ты куда?

Голос юноши был едва слышен, но в нем явственно ощущался металлический привкус ярости:

— Ци Цзю, куда ты собрался?..

— Налетчики ищут тебя, но они не знают тебя в лицо, — у Ци Цзю уже созрел четкий план. Одной рукой он продолжал массаж, другой — вскрыл кофр с тростью. — Те, кто мог бы тебя опознать, уже связаны, им завязали глаза и заткнули рты.

Для пущей убедительности «массовка» из числа заговорщиков старалась вовсю: все они лежали связанными по рукам и ногам, с черными повязками на лицах. Никто не мог разоблачить подмену.

Видя, что похитители уже близко, Ци Цзю убедился, что судорога у Байлана прошла, и так же ловко связал его самого. После чего достал из кармана своего пиджака черный шелковый платок.

— Умный в гору не пойдет. Я немного подыграю им, — прошептал Ци Цзю. — Как только окажешься в безопасности, скоординируй полицию, чтобы меня вытащили... Я же знаю, что ты установил на мне маячок.

— Ты слепнешь, — упрямо повторил Байлан. — Почему ты ничего не видишь?

Ци Цзю не знал, как объяснить ему истинную причину, поэтому лишь молча, с легкой грустью улыбнулся.

Е Байлан попытался сопротивляться, но его силы были исчерпаны недавним приступом боли. Все его попытки вырваться сводились лишь к слабым, беспомощным движениям.

Ци Цзю, не забывая о своей миссии, тихо спросил:

— Ты запомнил то, чему я тебя учил?

Слепая ярость и жестокость — не те правила, по которым живет человеческое общество. Тот, кто следует им, рано или поздно окажется в бездне. Нужно побеждать врагов в их собственном мире, используя их же законы.

В глазах Байлана закипела кровавая пелена, его дыхание с хрипом вырывалось из горла. Ци Цзю обнял его в последний раз и вложил ему в руки трость — тяжелую, холодную и смертоносную.

Он помнил, как сильно юноша ненавидел тьму, поэтому повязка на его глазах была из тонкой ткани, сквозь которую еще можно было различить смутные тени.

На окрик «Кто здесь Е Байлан?!» Ци Цзю поднялся. Подняв руки, он позволил увести себя.

Один из налетчиков, не раздумывая, с силой обрушил приклад автомата на его затылок.

Эти подонки забирали его Ци Цзю.

<http://bllate.org/book/16113/1587330>